

УДК 94(47)"19"

**МУСУЛЬМАНСКИЕ ДЕПУТАТЫ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ (1906–1917 гг.):
НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ?¹**

Д.М. Усманова

Аннотация

В статье даётся сравнительный анализ различных практик использования концепта *элита* в работах социологического, политологического и исторического характера, а также рассматривается применимость данного термина в отношении мусульманских представителей в российском имперском парламенте. На основе анализа истории образования и характера деятельности мусульманской парламентской фракции сделан вывод о том, что мусульманские депутаты представляли собой скорее контрэлилу или часть новой политической элиты в стадии её становления, что объясняется сложным характером формирования новых политических элит в позднеимперской России.

Ключевые слова: элита, контрэлита, теории элит, элитология, история российских элит, Государственная дума, мусульманские депутаты.

«Элиты снова в моде – как в России, так и в Германии», – такими словами начал своё приветственное слово в сборнике «Элиты и общество в сравнительном измерении» Райнхард Крумм, руководитель российского филиала Фонда им. Фридриха Эберта [1, с. 26]. И с этими словами сложно не согласиться, особенно если мы бросим взгляд на объём литературы по элитам, которая появилась в последние два десятилетия и в России, и в Германии. Более того, в социологии сформировалось особое направление, концентрирующее внимание на изучении именно элит, – *элитология*.

Следует сказать, что термин *элита* не имеет в литературе единого общепринятого толкования (см. [2]). Многие учёные сходятся во мнении, что этот термин трактуется по меньшей мере двояко. В широком смысле слова данный термин обладает ценностно-положительной характеристикой: «наилучший» (= элитарный). В узком (социологическом) смысле он используется как ценностно-нейтральная научная категория, обозначающая *функциональную группу* [3, с. 74]. Но каковы критерии, по которым мы можем определить, кто и каким образом составляет так называемую *элилу*? И каким будет ответ на вопрос, вынесенный

¹ В основе статьи лежит доклад, прочитанный на итоговой конференции СФБ 640 «Wandel wollen. Vom Umgang mit gesellschaftlichen Veränderungen», состоявшейся в Гумбольдтском университете 28–29 апреля 2011 г.

в заголовок данной статьи, о принадлежности мусульманских депутатов к политической элите России позднеимперского периода?

Однако начать хотелось бы с небольшого теоретического экскурса и обзора ряда новейших российских работ по теории и истории элит, что должно помочь в понимании того, как разнится практика использования одних и тех же терминов в исторических, политологических и социологических работах.

Элитология и проблемы использования термина *элита* в исторических исследованиях

Теория элит разработана довольно хорошо [4]. Основу её составляют концепции, появившиеся на рубеже XIX – XX вв., дополненные и развитые в середине XX столетия в работах таких корифеев социологии и элитологии, как Гаэтано Моска (Gaetano Mosca, 1858–1941), Вильфредо Парето (Vilfredo Pareto, 1848–1923), Макс Вебер (Max Weber, 1865–1920), Роберт Михельс (Robert Michels, 1876–1936), Карл Манхайм (Karl Mannheim, 1893–1947), Сюзанна Келлер (Suzanne Keller, 1929–2010), Чарльз Миллс (Charles Wright Mills, 1916–1962), Пьер Бурдьё (Pierre Bourdieu, 1930–2002). Большинство работ, составляющих золотой фонд мировой элитологии, переведены на русский язык [5–7] и входят в число наиболее часто цитируемых компонентов теоретической основы в разнообразных эмпирических исследованиях российских авторов.

Российские политология и социология как научные дисциплины сформировались относительно недавно (см. [8–19]). В сравнении с европейскими аналогами они имеют вторичный характер, дополняя имеющиеся концепции эмпирическим материалом, который в той или иной степени подтверждает, опровергает, развивает существующие европейские теории. Вопрос о политических элитах в позднеимперской России не часто становился предметом специального научного исследования, хотя отдельные работы появляются. Остановимся на двух работах, в которых рассматривается теоретический аспект проблемы.

В сочинении ведущего российского политолога О.В. Гаман-Голутвиной «Политические элиты России: вехи исторической эволюции» [20] даётся экскурс в историю российской политической элиты (политического класса) от средневековой Руси до современной России. Политические элиты рассматриваются в парадигме господства в России мобилизационной модели элитообразования, что оказало влияние на состав элиты и её функции. В заключении сформулированы основные признаки и отличительные черты мобилизационной и инновационной моделей процесса элитообразования [20, с. 413–422]. Применительно к позднеимперскому периоду к политической элите отнесены четыре-пять высших чиновничьих классов численностью в середине и конце XIX в. приблизительно 1500 человек (или 1–1.5% от общего количества бюрократии). Само собой разумеется, что подлинная политическая элита по-прежнему рекрутировалась из дворянства: в первой половине и середине XIX в. в Комитете министров дворяне составляли 100%, в Сенате – 95.4%, в Государственном совете – 98.2%; в тот же исторический период губернаторский корпус состоял на 100% из дворянства [20, с. 166].

Уже в первой трети XIX в. бюрократия в России приобрела статус правящей элиты и по существу стала инструментом консервации существующего порядка. В середине XIX в. либеральная часть этой же бюрократической элиты

была субъектом модернизационных преобразований, а в конце XIX столетия (так называемый период «контрреформ») возобладали консервативная часть всё той же правящей бюрократии. По мнению автора книги, победа консервативного крыла российской бюрократии отчасти была следствием действий так называемой *контрэлиты* (= радикальной революционной интеллигенции), чья бескомпромиссная позиция способствовала укреплению консервативных элементов в составе политической элиты [20, с. 182].

В начале XX столетия в России намечаются некоторые тенденции перехода от мобилизационной к инновационной модели развития страны. Попыткой реализовать эти шаги стали политические реформы начала века. Тогда же наметилась тенденция изменения принципа элитообразования: место служилого класса стремились занять экономически доминирующие группы буржуазии в лице своих политических представителей. Одновременно начинается размывание прежде гомогенной элитной структуры, состоящей из бюрократии, и происходит её усложнение за счёт включения в состав традиционной политической элиты (бюрократии, состоявшей из представителей верховной власти и управленческого аппарата) членов Государственной думы и Государственного совета, а также высшего эшелона политических групп и партий [20, с. 203–205]. Таким образом, депутаты Государственной думы формально могут быть отнесены к новой модернизирующейся политической элите.

Однако ситуация осложняется тем, что учреждение парламента с его ограниченными полномочиями и слабыми властными рычагами лишь в незначительной степени изменило механизм принятия властных решений, а следовательно, оказало в целом небольшое влияние на состав политической элиты позднеимперской России. В заключительном эпизоде книги, посвящённом российской политической элите предреволюционного периода, автором довольно подробно рассматривается состав так называемой «придворной камарильи»². В работе не даётся чёткого ответа на вопрос о том, какое реальное место занимала эта «придворная камарилья» в иерархии российских элит. Можем ли мы считать её *топ-элитой* или же это была *эрзац-элита*³ (= *лже-элита*)?

Работа социолога О. Крыштановской «Анатомия российской элиты» [3] имеет отношение к современности (отчасти к позднесоветскому и преимущественно к российскому периодам), что наложило отпечаток на всю авторскую концепцию элитообразования (рекрутирования элит) и характеристику сущностных черт российской элиты наших дней. В работе дана схема современного российского политического класса, состоящего из бюрократии (назначенных чиновников), электократии (избранных чиновников) и легислократии (депутатов). Таким образом, по логике автора, депутаты парламента являются частью политического класса, обладающего властью [3, с. 65].

Данная схема применима к современным демократиям, в которых очевидно победила тенденция к «бюрократизации» парламента, который представляет

² Под термином *придворная камарилья* в историографии имеется в виду неформальный круг лиц из числа высшей аристократии и близкого круга родственников императора, использовавших близость к Николаю II для осуществления властных полномочий и принятия важнейших управленческих и стратегических решений.

³ Выражение *эрзац-элита* в русском языке имеет негативный оттенок, поскольку под словом *эрзац* понимают нечто ненастоящее, подмену.

собой неотъемлемую часть общей бюрократической машины. Возникает вопрос: насколько универсальна эта схема? Может ли она быть использована при оценке российского общества позднеимперского периода? Этот вопрос остаётся открытым. Автором он не ставится в принципе, поскольку работа посвящена анализу современной российской элиты, своими корнями уходящей в советскую эпоху, но едва ли имеющую что-то общее с дореволюционной элитой.

О. Крыштановская активно использует понятие *топ-элиты* для обозначения верхушки элитной пирамиды. Если следовать логике её рассуждений, то в предреволюционной России топ-элитой составляла именно «придворная камарилья». В то же время из понятия *топ-элиты* позднеимперской России можно исключить официальное правительство (Совет министров), поскольку и его состав, и, главное, функциональные возможности всецело зависели от воли верховной власти и от так называемых «тёмных сил», господствовавших в предреволюционные годы. И ещё большие сомнения возникают, если мы пытаемся причислить к элите членов Государственной думы, поскольку они не оказывали реального воздействия на характер принимаемых в стране стратегических решений.

Необходимо отметить, что в российской элитологии присутствуют два подхода, согласно которым понятие *политическая элита* применяется как в единственном, так и во множественном числе [3, с. 74]. Для О. Крыштановской это понятие в основе своей существует только в единственном числе: вслед за Гарольдом Лассуэллом автор утверждает, что «*элита – это единая правящая группа общества*» [3, с. 73; 21], тогда как термин *элиты* подразумевает комплекс *субэлитных групп*. А потому термин *властная элита* в трактовке Крыштановской является бессмысленной тавтологией. По её мнению, не имеет смысла говорить и о *контрэлите*. Те группы, что не входят в понятие *элита*, но стремятся к власти, представляют собой, по мнению автора, часть политического класса, лишь борющегося за власть, но не обладающего ею. Такая трактовка состава политической элиты соответствует логике современной российской «правлящей элиты», отказывающей так называемой «внесистемной оппозиции» в праве принадлежать к политической элите и фактически монополизирующей в своих руках этот пьедестал. В противовес О. Крыштановской другие политологи (О. Гаман-Голутвина и др.) активно и охотно используют термин *контрэлита*, а также применяют множественное число в отношении базового термина.

Так или иначе, практически все учёные сходятся во мнении, что элита – это правящая группа, являющаяся верхней стратой общества. Элита, особенно политическая, стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные, стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня. В формулировке термина *элита* те или иные исследователи отдают предпочтение или ценностной, или функциональной составляющей⁴.

Сопоставление двух работ (политологической и социологической) по российским элитам демонстрирует то обстоятельство, что с использованием термина *элита* применительно к историческому материалу возникают определённые сложности. Конечно, в историческом сообществе термин *элита* используется

⁴ В настоящее время в элитологии имеются следующие основные направления: макиавеллистская школа, ценностные концепции элит, концепция демократического элитизма, концепция множественности, плюрализма элит, концепция элиты как общественного авангарда и пр.

также очень широко и активно. Однако, в отличие от политологов и социологов, «чистые» историки не утруждают себя пояснениями того, какой смысл они вкладывают в это понятие.

Приведём только один характерный пример. В сборнике «Российская империя в сравнительной перспективе» несколько статей посвящены российской элите имперского периода: «Элиты российской империи и механизмы административного управления» (А. Каменский) [22, с. 115–139], «Представленческие модели имперских военных элит накануне Первой мировой войны» (Е. Сергеев) [22, с. 140–149], «Элиты и имперские элиты в Габсбургской империи. 1845–1914» (Х.-П. Хёе) [22, с. 150–176]. Но ни в одной из названных работ нет определения термина *элита*, не говоря уже о чёткой классификации. Историки трактуют данный термин довольно широко и порой даже чересчур вольно, с различными модификациями, в зависимости от конкретного исторического материала и поставленной исследовательской задачи. Чаще всего они наполняют этот термин значительной ценностной составляющей, иногда подчёркивая функциональную или этническую компоненту (см. [23–28]).

Государственная дума Российской империи (1906–1917) – реальный или квазипарламент? Депутаты – элита или контрэлита?

Переходя от общетеоретических вопросов к главному вопросу статьи, следует сказать, что в отечественной историографии, как и в элитологии, нет единого мнения о том, являлись ли вообще депутаты дореволюционной Государственной думы частью российской политической (то есть «властной») элиты. Это связано с особым характером российского парламентаризма. Вопрос о том, можно ли считать Думу парламентом в строгом смысле этого слова, дискуссионный, поскольку большие ограничения её полномочий общеизвестны. Среди трёх наиболее важных функций парламента – властной (право назначать членов правительства), законотворческой и представительной (право репрезентации интересов различных слоёв населения) – дореволюционная Дума не обладала в полной мере ни одной. Законотворческая функция (право принимать законы) была сильно ограничена настроениями правительства (министерства как основного «поставщика» законопроектов) и умеренностью верхней палаты (Государственного совета). Государственная дума в реальности не влияла на формирование правительства, хотя и стремилась к этому всеми средствами.

То, что властные возможности у депутатов были очень сильно ограничены, и составляло суть одного из важнейших конфликтов между законодателями и правительством. Вспомним знаменитую фразу из речи депутата-перводумца В.Д. Набокова: «Власть исполнительная да подчинится власти законодательной!» Ставшая лозунгом Думы 1-го созыва, она отражает стремление депутатов влиять на состав правительства и реально контролировать его деятельность. Требование «ответственного правительства» было включено в думский адрес, то есть в ответ Думы на приветствие императора, который, по сути, являлся программой российского парламента. Это требование незадолго до революции стало основным требованием Прогрессивного блока (1915), объединившего думское большинство. Реализация этого требования означала бы очередное реформирование

государственного строя и превращение России в парламентскую монархию, но этого не произошло.

Репрезентативные функции Думы также были в значительной степени урезаны избирательным законом 1907 года, который лишил избирательного права целые регионы (Сибирь, Среднюю Азию) и ряд народностей, а также резко ограничил представительство значительных слоёв населения (крестьянства и рабочих). Однако специфика модернизации политической системы России была такова, что начиная с 1906 года она была уже немыслима без Государственной думы и депутатов. На наш взгляд, несмотря на все ограничения и оговорки, Дума может быть названа парламентом. При всём внешне привилегированном положении членов Думы они не обладали реальной властью и едва ли могли быть причислены к высшей политической элите страны. Ещё сложнее обстояло дело с депутатами, представлявшими в Думе «неэлитные» слои населения и народности (так называемых инородцев).

Характер и специфика российского парламентаризма оказали серьёзное влияние на деятельность в Думе отдельных фракций и депутатских групп. Чем меньше у думских проектов было шансов обрести силу закона, чем менее «властной» становилась Дума, тем большее значение придавалось её репрезентативной функции. Депутаты, особенно оппозиционные, чаще и охотнее апеллировали к своим представительским обязанностям и пытались выступать в качестве «гласа народа». В этом плане мусульманские депутаты не были исключением из общего правила. Подобная прямая зависимость между эволюцией Думы и деятельностью депутатов-мусульман была вполне очевидна и оправданна.

Малочисленность мусульманского депутатского корпуса, незначительность его влияния на думское большинство и традиционные бюрократические структуры, отсутствие долгосрочных и результативных политических союзов, постепенная потеря надежд и иллюзий на возможность скорого осуществления «мусульманских законов» и проектов – все эти факторы способствовали тому, что мусульманские депутаты воспринимали себя в первую очередь как *представителей* мусульманского населения в общеимперском органе. Мусульманские депутаты позиционировали себя не как партийные деятели, а в качестве защитников интересов всей мусульманской *уммы*. Именно этими обстоятельствами определялась позиция депутатов-мусульман, их деятельность, приоритетность тех или иных проблем и вопросов, а также характер взаимодействия с мусульманским сообществом.

В дореволюционную Думу всех четырёх созывов было избрано 78 депутатов-мусульман: 25 депутатов в Думу 1-го созыва, 36 – в Думу 2-го созыва, 10 – в Думу 3-го созыва и 7 – в Думу 4-го созыва [29, с. 554–567; 30]. Поскольку некоторые из депутатов избирались неоднократно (Кутлуг-Мухаммед Тевкелев даже четыре раза), то оказывается, что в дореволюционной Думе работало всего 67 мусульман, представлявших основные «мусульманские» регионы страны: Волго-Уральский регион, Кавказ, Семиречье и Туркестан. Удельный вес мусульман среди всего депутатского корпуса колебался между 7% в Думе 2-го созыва и 1.5% в последней дореволюционной Думе (см. табл. 1). Если иметь в виду долю мусульманского населения в составе Российской империи (11.06% по переписи 1897 г.) и исходить из «идеального» пропорционального представительства,

Табл. 1

Колебания доли мусульманских депутатов в общей численности депутатского корпуса Думы по созывам

	Планируемая общая и реальная численность депута- тов в Думе (100%)	Общая чис- ленность депутатов- мусульман	Удельный вес депутатов- мусульман (%)
Дума 1-го созыва (1906)	524 (497) ⁵	25	5%
Дума 2-го созыва (1907)	524 (517)	36	6.9%
Дума 3-го созыва (1907–1912)	442 (487)	10	2.3% (2%)
Дума 4-го созыва (1912–1917)	442 (461)	7	1.5%

то доля мусульманских представителей в Думе должна была бы составлять около 45–50 депутатов. Но это только в теории. В реальности же во многих областях и губерниях европейской части России мусульмане составляли меньшинство (в Казанской губернии – 28.75%, в Оренбургской – 22.5%, в Самарской – чуть более 10%, в Уфимской – около 50%), что резко ограничивало их шансы на проведение «собственного» кандидата. Очевидно, что избирательный закон, избирательные процедуры, административная практика в сочетании с объективными сложностями приводили к тому, что нерусское меньшинство превращалось в некую *декоративную* часть парламента, в своего рода «изюм в булочке». Понятно, что такое незначительное представительство в рамках парламента делало невозможным превращение мусульманских депутатов в реальную и влиятельную политическую силу. В этом, впрочем, и заключался замысел авторов избирательного закона.

Сословно-национальный облик депутатов-мусульман также был предопределён избирательными законами 1906 и 1907 гг. По национальному признаку депутаты-мусульмане представляли основные этнические группы страны, однако чрезвычайно неравномерно: больше всего было татар (25), далее следовали азербайджанцы (11), казахи (9), башкиры (7), лезгины (4), узбеки (3), крымские татары (2), туркмены и чеченцы (по 1). В плане сословной принадлежности среди мусульманских депутатов доминировали представители дворянства (19 депутатов, в том числе шестеро представляли родовую аристократию, являлись потомками владетельных ханов) и крестьянства (не менее 20–25 депутатов). Значительную группу составляли депутаты, принадлежавшие к мусульманскому духовенству: 15 мандатов (или 13 человек, так как двое мулл избирались дважды). Но поскольку мусульманское духовенство, в отличие от православного, не являлось отдельным сословием, то практически все муллы принадлежали к крестьянству. Региональная специфика проявилась в том, что все депутаты-муллы были посланы в парламент населением Волго-Уральского региона (10), Туркестана и Степного края (3). Из 67 депутатов-мусульман высшее и среднее образование

⁵ Здесь и далее в скобках указано реальное количество депутатов, избранных и принявших участие в работе Думы данного созыва. Такой разрыв между количеством депутатов, определённых законом, и реальными показателями связан в случае Думы 1-го созыва с тем, что ко времени её разгона выборы в ряде окраин (Сибирь, Средняя Азия) не были проведены. В случае последних двух Дум разница обусловлена тем, что в ходе работы одни депутаты умирали или складывали с себя думские полномочия, на их место переизбирались другие, и прочим. В данном случае для нас важна общая тенденция.

Табл. 2

Доля депутатов, имевших высшее и среднее (гимназическое) образование, в целом по Думе и среди депутатов-мусульман

	Доля депутатов с высшим и средним образованием (в том числе и незаконченным) в среднем по Думе (%)	Доля депутатов-мусульман с высшим и средним образованием (%)
Дума 1-го созыва (1906)	60	50
Дума 2-го созыва (1907)	58	35
Дума 3-го созыва (1907–1912)	76	70
Дума 4-го созыва (1912–1917)	78	80

имели 33 человека (соответственно 21 и 12), то есть половина от общего числа депутатов-мусульман. Среди депутатов с высшим образованием больше половины (11 человек) имели юридическую квалификацию. Образовательный уровень депутатов-мусульман, как свидетельствуют данные табл. 2, сопоставим с данными по Думе в целом.

По политическим взглядам большинство мусульманских депутатов примыкали к оппозиции. Особенно близки мусульмане были к кадетам и национальным группам (Польское коло). Создание отдельной мусульманской фракции было предпринято ещё в Думе 1-го созыва (по инициативе Саид-Гирея Алкина и Али-Мардан-бека Топчибашева), однако реально и юридически мусульманская фракция была образована лишь в Думе 2-го созыва. Функционировала она и в последующих Думах, хотя была чрезвычайно малочисленной (8–9 членов в Думе 3-го созыва и 6 человек в Думе 4-го созыва). Мусульманская фракция была довольно слабой, если оценивать степень её влияния на ход думской работы и лоббистские возможности. По оценке современников, мусульманская фракция, которая должна была стать центром общемусульманского движения, не справлялась со своей задачей, так как была «малочисленна, слаба и малоактивна» [29, с. 193].

Среди многочисленных проблем, обсуждавшихся в стенах российского парламента, для мусульман наиболее важными были следующие:

- религиозное законодательство (реализация провозглашённой «свободы совести» и реорганизация органов духовного управления);
- вопросы народного образования (право преподавания на родном языке хотя бы в начальной школе);
- переселенческая политика и положение национальных окраин;
- судебная реформа (введение судопроизводства на национальном языке);
- вопрос о праздничных днях (признание за мусульманами права отдыха в дни мусульманских религиозных праздников и права иметь выходной день в пятницу).

Именно при рассмотрении этих вопросов в комиссиях и особенно во время общих дискуссий наблюдалась наибольшая активность членов мусульманской фракции. По принципиальным вопросам мусульманские депутаты обычно занимали консолидированную позицию.

Вопрос о том, правомерно ли причислять мусульманских депутатов Государственной думы к политической элите поздней имперской России, не является простым и однозначным. Итоги парламентской деятельности мусульманских депутатов в силу ряда обстоятельств (объективные ограничения «свободы рук», малочисленность, слабая функциональная готовность к роли элитных сообществ, неготовность на ментальном уровне⁶, преобладание репрезентативных функций над законотворческими и прочее) вызывали не только критику со стороны общества, но и большие сомнения в правомочности депутатов быть причисленными к реальной политической элите. Даже на структурном уровне законодательной палаты роль мусульманских депутатов была весьма ограниченной: мусульманские депутаты практически не занимали руководящих постов в парламентских структурах. «Наивысшее достижение» мусульман в парламентской иерархии – должности одного из пяти заместителей секретаря, которые занимали Садри Максуди и Гайса Еникеев во 2-й и 4-й Думах соответственно.

Чрезвычайно редко депутаты-мусульмане выступали с докладами и презентацией законопроектов, а также с программными речами по общеполитическим или внешнеполитическим вопросам. Малочисленную мусульманскую фракцию не слишком принимали в расчёт при образовании межфракционных блоков. Показательна история образования в 1915 г. Прогрессивного блока, когда мусульманские депутаты даже не были приглашены на организационное совещание и не были включены в число учредителей данного блока. Это вызвало большие обиды среди мусульманской общественности, однако отражало реальное положение дел.

Наконец, во время думских дебатов ни разу не поднимался так называемый «мусульманский вопрос», даже в том ограниченном виде, как он формулировался в отношении «еврейского» или «польского» вопросов. Все эти факты свидетельствуют о том, что в целом мусульманские депутаты играли в рамках российского парламента незначительную роль. И если сама Дума и её депутаты занимали маргинальное положение во властной иерархии Российской империи, а мусульманские депутаты являлись маргинальными в рамках маргинального (с точки зрения реальной власти) парламента, то насколько они могут претендовать на то, чтобы называться политической элитой? Была ли в их руках хоть толика реальной политической власти? На эти вопросы следует дать отрицательный ответ.

В то же время мусульманские депутаты, объединённые в рамках единой и самостоятельной мусульманской фракции, выполняли важную роль репрезентации интересов мусульманского населения на общеимперском уровне, выступая, таким образом, в качестве представителя весомой «группы интересов», совсем не считаться с которой было невозможно. Несмотря на незначительные итоги законотворческой деятельности как депутатов-мусульман, так и Думы в целом, участие мусульманских представителей в работе российского парламента имело большое значение для формирования политического движения мусульманских народов вообще и татар в частности. Государственная дума была

⁶ Принадлежность к инородческому населению империи отражалась даже в политическом языке и стилистике думских речей мусульманских депутатов: в них преобладал просительный тон, было подчас чрезмерным подчёркивание своей лояльности и верноподданности и прочее.

в имперской России единственной всероссийской трибуной политического характера, с которой представители мусульманского сообщества могли публично и легально защищать свои национальные интересы, учились выражать свои требования и находить нужных политических союзников, привыкали к неизбежному компромиссу и балансу интересов.

Внутри мусульманского сообщества империи роль мусульманских депутатов была более значительна, чем на общеимперском уровне [29, с. 512–519]. Подтверждением этого является тот факт, что в 1917 г. бывшие депутаты возглавили в своих регионах процесс нацио- и государствовоительства (см. [31]). В 1917–1920 гг. депутаты из числа татар Садри Максуди, Гайса Еникеев, Мухаммед-Акрам Биглов и Ибниямин Ахтямов играли чрезвычайно важную роль в тюркотатарском национальном движении Волго-Уральского региона, тогда как Фатали Хан-Хойский, Халиль-бек Хасмамедов, Али-Мардан-бек Топчибашев, Мамед-Юсуф Джагфаров стояли во главе или входили в состав правительства независимого Азербайджана.

Отвечая на вопрос о том, являлись ли мусульманские депутаты частью политической элиты России, можно сказать, что они представляли собой скорее *контрэлиты* или часть новой политической элиты в стадии её формирования, становления. В 1917–1918 гг. у них были реальные шансы стать настоящей политической элитой если не в масштабах всей России, то по крайней мере в своём регионе. Вопрос о том, почему они не смогли воспользоваться этим шансом и уступили место на политической арене новым «элитам», требует отдельного рассмотрения. В целом можно сказать, что амбивалентный характер мусульманского представительства в российском парламенте (как и характер самой Государственной думы) свидетельствует о сложности формирования новых политических элит в позднеимперской России.

Summary

D.M. Usmanova. Muslim Deputies in the State Duma (1906–1917): A New Political Elite in the Russian Empire?

This article compares how the concept “elite” has been used in the works of sociology, history and political science, and then explores how this term can be useful for understanding the work of Muslim deputies in the Russian parliament of 1906–1917. An analysis of the educational background of the deputies and their activities in the Muslim parliamentary faction suggests they should rather be seen as a “counter-elite” or a part of a new political elite at the stage of its formation. A conclusion is made about the complexity of formation of new political elites in late imperial Russia.

Keywords: elite, counter-elite, theories of elites, elite studies, history of Russian elites, State Duma, Muslim deputies.

Литература

1. Элиты и общество в сравнительном измерении: Сб. ст. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: РОССПЭН, 2011. – 431 с.
2. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. – 2000. – № 3. – С. 97–103.
3. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 381 с.

4. *Hartmann M.* Elitesoziologie. Eine Einführung. – Frankfurt/M: Campus Verlag, 2004. – 203 S.
5. *Миллс Р.* Властвующая элита. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 543 с.
6. *Бурдые П.* Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 333 с.
7. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. – М.: Весь мир; Инфра-М, 2000. – 700 с.
8. *Охотский Е.В.* Политическая элита. – М.: Луч, 1993. – 91 с.
9. *Охотский Е.В.* Политическая элита и российская действительность. – М.: Изд-во РАГС, 1996. – 137 с.
10. *Ашин Г.К., Охотский Е.В.* Курс элитологии. – М.: Спортакадемпредс, 1999. – 366 с.
11. *Ашин Г.К.* Курс истории элитологии. – М.: МГИМО, 2003. – 302 с.
12. *Ашин Г.К.* Элитология: история, теория, современность. – М.: МГИМО-ун-т, 2010. – 598 с.
13. *Самойлова Е.Н.* Политическая элита России XX века: некоторые особенности формирования и деятельности: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2004. – 165 с.
14. *Власть в России: элиты и институты / Под ред. А.В. Дука.* – СПб.: Интерсоцис, 2009. – 326 с.
15. *Кондратович И.В.* Элитология: общие проблемы и современность. – М.: СвР-Аргус, 2009. – 268 с.
16. *Покатов Д.В.* Политическая элита России: теория, история, современность. Социологический анализ. – Саратов: Наука, 2010. – 320 с.
17. *Королев А.А.* Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ин-та, 2010. – 496 с.
18. *Васильева Л.Н.* Теория элит: социология политики. – М.: Социум, 2011. – 207 с.
19. *Соловьев А.И.* Политология. Политическая теория. Политические технологии. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 574 с.
20. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, 2006. – 446 с.
21. *Lasswell H.D., Lerner D., Rothwell C.E.* The Comparative Studies of Elites (An Introduction and Bibliography). – Stanford: Stanford Univ. Press, 1952. – 72 p.
22. *Российская империя в сравнительной перспективе.* – М.: Нов. изд-во, 2004. – 384 с.
23. *Ананьич Б.В.* Управленческая элита Российской империи: история министерств. 1802–1917. – СПб.: Лики России, 2008. – 693 с.
24. *Португальский Р.М., Рунов В.А.* Военная элита Российской империи. 1700–1917. – М.: Вече, 2009. – 637 с.
25. *Кислицын С.А.* Научная элита в системе политической власти. – М.: URSS; ЛКИ, 2008. – 282 с.
26. *Dohrn Verena.* Jüdische Eliten im Russischen Reich: Aufklärung und Integration im 19. Jh. – Köln: Böhlau, 2008. – 482 S.
27. *Загидуллин И.К.* Татарские национальные элиты и проблема выбора нового Оренбургского муфтия в 1860-е годы // Науч. Татарстан. Сер. Гуманит. науки. Тюркология. – 2009. – № 1. – С. 46–58.
28. *Ямаева Л.А.* Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). – Уфа: Гилем, 2002. – 300 с.
29. *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916. – Казань: ФЭН, 2005. – 584 с.

30. *Usmanova D.* Russländisches Parlament und muslimische Repräsentation. Die muslimischen Abgeordneten in der Staatsduma zwischen 1906 und 1907 // Das Zarenreich, das Jahr 1905 und seine Wirkungen. Jan Kusber, Andreas Frings (Hrsg.). – Berlin: LIT-Verlag, 2007. – S. 323–347.
31. *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М.: Соц.-полит. мысль, 2004. – 598 с.

Поступила в редакцию
21.12.12

Усманова Диляра Миркасымовна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: dusmanova2000@mail.ru